

АРТЕМ КЛИНЦОВ

ШТУРМ ПО РАСПИСАНИЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Артем Клинцов

Штурм по расписанию

«Автор»

2026

Клинцов А.

Штурм по расписанию / А. Клинцов — «Автор», 2026

Тадж-Бек, декабрь 1979. Штурм дворца, в котором нет агентов ЦРУ. Только бетон, дым и приказ, подписанный на листе бумаги. Исторические события недавнего советского прошлого показаны без прикрас и с глубоким анализом. Между тем читается как крутой боевик. Декабрь 1979. Война в Афганистане началась не с выстрела. С подписи на одном документе. Майор Савельев пишет аналитическую записку для Политбюро. Он знает: Хафизулла Амин — не агент ЦРУ, как утверждают сверху. Но знает и другое — если написать правду, записку положат под сукно. Он меняет формулировку. Через два дня спецназ идет на штурм дворца Тадж-Бек. Погибает полторы сотни десантников. Начинается десятилетняя война. Полковник Громов идет на штурм первым. Получает тяжелое ранение, теряет ноги, но выживает. Всю оставшуюся жизнь ведет тетрадь с именами погибших — тех, чью смерть запустила та самая записка. Военный переводчик Тимур Рустамов оказывается между двух огней. Он понимает язык врагов лучше, чем своих командиров...

© Клинцов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

глава 1	6
ГЛАВА 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
5 глава	21
глава 6	27
глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Артем Клинцов
Штурм по расписанию

Штурм по расписанию.

глава 1

Зеленый чай не заваривают кипятком.

Тимур смотрел, как сержант Петренко снимает закопченный котелок с горелки и, не давая воде остыть, швыряет в бурлящую жижу щепоть чайных листьев. Листья мгновенно сварились, отдавая воде цвет ржавой олифы.

— Петренко, — Тимур говорил тихо, стараясь не повышать голос. — Я же просил. Восемьдесят градусов. Иначе он горчит. Как хина.

Петренко хмыкнул, вытирая пот со лба рукавом пыльного комбинезона. Под рукавом блеснула татуировка — оскал пятнистого ягуара.

— Да мне по барабану, товарищ лейтенант. Главное, чтоб кипяток. Глотку дерет — значит, микробов убивает.

Он налил мутную, темно-коричневую жидкость в две алюминиевые кружки. Одну подвинул Тимуру.

В дувале пахло кизяком и разогретой на солнце глиной. Муха-жужжалка с сухим треском билась о мутное стекло, затянутое изнутри рваным целлофаном.

На топчане, в углу, сидел пленный.

Его привели час назад. Связали пеньковой веревкой, но веревка была гнилая, и пленный сам перевернул руки так, чтобы узел не тянул жилы. Лицо в глубоких морщинах, кожа цвета дубленой парчи. Просторный, застиранный до серости перан-тунбан.

Тимур сделал глоток. Чай был отвратительным. Горьким, вяжущим, с привкусом алюминия и песка. Песок скрипел на коренных зубах, как толченое стекло.

— Имя, — Тимур перешел на дари. Голос ровный. Как учили в школе переводчиков в Балашихе.

Пленный медленно поднял глаза. В черных, выцветших на солнце зрачках не было ни страха, ни фанатичного блеска, о котором писали в сводках Политуправления. Только усталость.

— Воды дай, бача.

Тимур кивнул Петренко. Петренко, матерясь сквозь зубы, плеснул из бидона в эмалированную кружку с отбитой эмалью. Пленныйпил жадно. Вода текла по бороде, капала на воротник.

— Мохаммад. Юнус-хан.

— Оружие где?

Тимур с силой вдавил перо в бумагу. Дешевая «Радуга» снова дала течь. Густая фиолетовая капля просочилась сквозь трещину в пластиковом корпусе, окрасив подушечку указательного пальца. Он машинально вытер его о штанину, оставив на пыльной ткани лиловый мазок.

Поднял глаза.

Точно такие же застарелые, въевшиеся в папиллярные узоры фиолетовые разводы покрывали средний и указательный пальцы Мохаммада.

Старик- не дехканин. Скорее всего -учитель.

Мохаммад усмехнулся. Уголками губ.

— Оружие... Вы, шурави, всё ищите чужие руки. Думаете, это дядюшка Сэм из Вашингтона научил моего племянника стрелять из «Ли-Энфилда».

Тимур молчал. Ждал.

— Ваш майор вчера снес бульдозером стену старого кладбища в Зенджане. Чтобы ваши БТРы развернуться могли. Сказал, мертвым всё равно. — Мохаммад говорил тихо, с хрипотцой. — Мне не нужны американские доллары, чтобы взять камень и заделать проломы. Я беру камень, потому что ваши гусеницы давят кости моего деда.

Тимур сжал ручку. Пластик треснул. Пружинка выскочила и звякнула о глинобитный пол, покотившись под топчан.

В Москве, на Хорошевке, аналитики чертили стрелки. Писали про финансовые потоки из Эр-Рияда. Про лагерь пакистанской разведки ISI под Пешаваром. Удобная схема.

Но здесь, в этом провонявшем мочой дувале, схема рассыпалась в пыль.

— Вы привезли трактора, лейтенант. — Мохаммад наклонился вперед. — Но не привезли воду. Сказали женщинам снять чадру, но не дали работы. Расстреляли моего брата за молитву над умершим. Вы не спросили, хотим ли мы жить по вашим книгам.

— Зачем ты улыбаешься? — вырвалось у Тимура.

Мохаммад посмотрел на него. Долго.

— Вы спешите. Строите планы на пятилетку. Торопитесь сделать нас счастливыми до зимы. А мы никуда не спешим. Горы стояли до вас. Будут стоять после. Вы устанете стрелять раньше, чем мы устанем умирать.

Дверь распахнулась. Петли из автомобильных рессор взвизгнули, как резаная свинья.

Майор Соколов. Пыльный комбез, автомат на груди. Пахло от него махоркой, оружейным маслом и вчерашним кислым перегаром.

Окинул дувал. Тимур бледен. Пленный спокоен. Блокнот пуст. Ручка сломана.

— Добился чего, филолог?

Тимур сглотнул. Ком застрял в горле.

— Молчит, товарищ майор. Гражданский. Учитель.

Соколов подошел к Мохаммаду. Достал из кармана нож с наборной рукояткой. Шагнул за спину. Одним движением перерезал пеньковую веревку.

Мохаммад опустил руки. Растер запястья. Встал. Потянулся к брезентовой сумке на столе.

— Иди, учитель. — Соколов говорил по-русски, зная, что тот поймет. — Скажи своим: еще раз тронут моих ребят, пришлю не переводчика. Пришлю «Грады».

Мохаммад перекинул лямку через плечо. У двери остановился. Кивнул Тимуру.

Шагнул в слепящий зной.

Соколов тяжело опустился на топчан. Достал «Беломор». Спичка чиркнула с третьей попытки.

— Почему отпустили? — Тимур смотрел в земляной пол, где лежала пружинка от ручки.

— Если будем шлепать каждого учителя, патронов не хватит. И Москва велела доверие завоевывать. Вот и завоевываем.

Соколов затянулся. Дым повис под потолком сизым, тяжелым облаком.

— Ты ведь его не допрашивал, Тимур. Ты его слушал.

Тимур молчал. Смотрел на свои руки. На указательном пальце чернильное пятно.

— Ничего. Это проходит. Или ломает. Собирайся. В Герате мясорубка.

Тимур поднял глаза.

— Исмаил-хан поднял кишлаки, — Соколов стряхнул пепел на глину. — Пятая танковая бригада афганцев перешла к духам. Советников режут. В штабе дивизии наших поставили лицом к стенке.

Петренко, стоявший у двери, перестал ковырять в носу.

— Товарищ майор... а как же интернациональный...

— Заткнись, Петренко. — Соколов сплюнул. — Проверь магазины. Выдвигаемся к штабу.

Кузов «Урала» трясло на ухабах.

Тимур сидел на кожежке колеса, держась за ржавый борт. Рядом Петренко механически тер автомат промасленной тряпкой. Тряпка почернела от копоти. Петренко продолжал тереть. Вверх-вниз. Затворная рама блестела.

Над Гератом поднимался черный, жирный дым.

Мятеж. Регулярные части афганской армии, те, что вчера пили чай с советниками, повернули штыки. Вырезали тех, кого называли братьями.

Петренко сплюнул за борт. Слюна высохла на раскаленном металле. Пытался отколупнуть присохшую к подошве берца жвачку. Ноготь сломался, пошла сукровица, но он продолжал ковырять, глядя на удаляющийся дым.

В кабине «Урала» взвизгнула рация Р-123.

Тимур надел наушники. Подкрутил тумблер громкости.

Сквозь статический шум, сквозь треск помех пробивался голос. Голос был спокойный, чуть хриплый. С легким украинским акцентом.

— ...товарищи, не стреляйте в нас. Мы сдаемся. Повторяю, мы сдаемся. Выходим без оружия...

Тимур замер. Он знал этот голос. Капитан Сидоренко. Советник из штаба дивизии. Вчера утром они вместе пили чай, и Сидоренко жаловался, что жена не присылает посылки с салом.

— ...не стреляйте, братья. Выходим с белым флагом... — голос Сидоренко повторял одну и ту же фразу. Монотонно. Без пауз для вдоха.

Петренко перестал тереть автомат. Посмотрел на Тимура.

— Лейтенант... это ж Сидоренко. Он живой?

Тимур не ответил. Он смотрел на рацию.

Голос в наушниках продолжал звучать. Ровно. Монотонно.

И только сейчас Тимур заметил деталь, от которой по спине пополз ледяной озноб, несмотря на сорокаградусную жару.

На фоне голоса Сидоренко, ровно через каждые четыре секунды, слышался глухой, ритмичный стук.

Так стучит отрезанная голова, когда ее за волосы таскают по бетонному полу.

— Выключи это, — прошептал Петренко.

Тимур потянулся к тумблеру.

Двигатель «Урала» чихнул, глохнув на очередном ухабе, и в наступившей тишине, до того как Тимур успел выдернуть штекер, из динамика рации, на максимальной громкости, раздался короткий, влажный смех.

ГЛАВА 2

Металлический бегунок соскочил с направляющей. Зубья молнии на комбинезоне ефрейтора Бойды разошлись, обнажив грязную майку-алкоголичку и синюю татуировку в виде эмблемы ВДВ. Бойда выругался, сплюнул вязкую слюну на раскаленный асфальт и начал с силой вбивать собачку обратно пассатижами.

Громов смотрел на это молча.

Ферганская долина в августе была не полигоном, а духовкой. Воздух дрожал над бетонкой, искажая силуэты выстроенных в ряд БМД-2. От машин тянуло тяжелым, сладковатым запахом разогретого масла и горячей резины.

Громов перевел глаза на старшину Привалова.

Каптенармус стоял в жидкой тени от борта головной машины, ковыряя спичкой в гнилом зубе. От него несло кислым потом, хозяйственным мылом и дешевыми папиросами.

— Я просил разгрузки, старшина, — Громов говорил тихо, почти не разжимая губ, чтобы не глотать пыль. — А не эти брезентовые сидухи.

Привалов вынул спичку, осмотрел почерневшую головку и бросил в пыль.

— По штату положено РД-54, товарищ полковник. Разгрузочных жилетов на складе номер четыре нет. Снабжение округа прислало то, что было по разнарядке.

— В горах с этим брезентом они за сутки сотрут ключицы до кости. И звенеть будут при каждом шаге, как цыганский табор. Снайперу даже прицел наводить не надо — на слух возьмет.

— Приказ начальника тыла, — Привалов пожал плечами, и брезент на его плечах скрипнул. — Я кладовщик, а не волшебник. Хотите афганские разгрузки — пишите заявку в Москву. Через полгода, может, пришлют.

Громов не ответил. Он пошел к строящейся роте.

Новобранцы стояли по стойке смирно. Пот катился по загорелым шеям, впитываясь в тугие подворотнички, делая их тяжелыми и липкими. Рядовой Сыров, стоявший вторым во взводе, украдкой пытался отскрести штык-ножом присохший к берцу кусок птичьего помета. Нож скрежетал по коже.

— Сыров, оставь в покое сапог.

Сыров вздрогнул, замер, вытянув руки по швам. Штык-нож звякнул о пряжку ремня.

Громов подошел к нему, выдернул из-за пояса автомат АКС-74. Оттянул затвор. Заглянул в ствольную коробку.

— Кто чистил?

— Я, товарищ полковник, — хрипло ответил Сыров.

— Это не оружие, Сыров. Это консерва. Ты зачем консервационную смазку не снял? В горах, при плюс сорока, эта хуйня превратится в клей. Пыль налипнет, и первый же выстрел разорвет ствол. Разобрать. Промыть керосином. Сухой тряпкой вытереть.

— Есть.

Громов вернул автомат. Прошел вдоль строя. Смотрел не на лица, а на экипировку. Ботинки с высоким берцем, которые в горах сотрут ноги в кровь за три дня. Фляги с резиновыми прокладками, которые рассохнутся на солнце и будут течь. Подсумки, в которые не влезут магазины от «Сайги», если придется поднимать с земли трофейное оружие.

Ефрейтор Бойда за спиной Громова наконец вогнал бегунок на место. Потянул вверх. Молния зажевала нитку и встала намертво, разрезая комбинезон по диагонали. Бойда матерно выдохнул, бросил пассатижи в ящик ЗИПа и пнул гусеницу.

Громов дошел до конца строя. К нему подошел капитан Орлов, начальник штаба полка. В руках Орлов держал планшет с картами.

— Леш, — Орлов говорил не глядя на него, разглядывая строй. — Карты получил.

— И?

— Пятидесятого года. Топографы снимали.

Громов посмотрел на планшет.

— В пятидесятом там кишлаки были по три двора. А сейчас там аулы на тысячу человек. И дорог, которые нарисованы на карте, в реальности нет. Там осыпи.

— В штабе дивизии сказали, других нет. Спутниковые снимки засекречены, нам не положено.

Громов сплюнул в пыль. Пыль скрипнула на зубах.

— Пиши рапорт, Серёж. На имя комдива. Требую замены снаряжения и актуализации картографического материала.

— Бумагу в штабе пустят на самокрутки, Леш. Ты же знаешь.

— Знаю. Пиши. Чтобы потом, когда будем грузить их в цинк, у нас была копия рапорта с входящим номером.

Орлов кивнул. Сунул планшет под мышку.

— Куда идем-то, командир? Хоть намекни. Туркестанский округ гоняет нас по пескам, а в самолетах уже сидят десантники из Пскова.

Громов посмотрел на юг. Там, за пыльной дымкой, начинались горы. Гиндукуш.

— Туда, где снег не тает, Серёж. И где нас никто не ждет.

В кабинете на Хорошевском шоссе пахло укропом и уксусом.

Запах просачивался через вентиляционную решетку из соседней комнаты, где майор Козлов третий час подряд жевал соленые огурцы и читал сводки из Кабула. Хруст стоял такой, будто кто-то дробил гравий челюстями бульдозера.

Савельев сидел за столом, придвинув к себе пишущую машинку «Ока».

Клавиши залипали. Буква «р» западала каждый раз, когда он бил по ней с силой. Приходилось поддевать ее ногтем большого пальца. Ноготь уже саднил.

На столе лежали три папки. Зеленая — с вырезками из кабульских газет «Анвар-и-Хальк». Синяя — с переводами перехваченных радиопереговоров пакистанской разведки ISI. И красная, в которой лежал черновик аналитической записки для полковника Воронова.

Савельев вставил в каретку лист плотной, желтоватой бумаги. Прокрутил валик. Звук трещотки прокатился по пустому кабинету.

«...фракция "Хальк", опираясь на радикализированную пуштунскую молодежь, проводит линию на форсированное раскулачивание, что в условиях племенной структуры ведет к тотальной изоляции режима...»

Он остановился. Посмотрел на экран монитора ЭВМ «Искра-226», стоящего в углу. Экран был темным, только в центре мигал зеленый курсор. Система ждала ввода данных, но Савельев не спешил.

Если написать правду — что Амин режет своих и чужих, но не является агентом Вашингтона, а просто пуштунским националистом, который цинично шантажирует Москву, играя на страхах стариков в Политбюро, — Воронов завернет записку. Скажет: поражение. Недооценка угрозы.

Если написать то, что ждут — что Амин потерял контроль над страной и готов сдать военные базы НАТО, — это станет тем самым гвоздем, которым прибьют крышку. Основанием для ввода Ограниченного контингента.

Савельев нажал на клавишу. Буква «р» снова застряла. Он поддел ее ногтем. Клавиша выскочила с глухим щелчком.

Дверь кабинета открылась.

Вошел Козлов. В руке он держал граненый стакан с чаем и надкушенный соленый огурец.

— Пишешь приговор, Игорек? — Козлов сел на край стола, стряхивая крошки на красную папку.

— Пишу аналитику, — Савельев не отвлекался от машинки. — Ты бы, Валера, жевал тише. У меня от твоего хруста в голове ритм сбивается.

— Огурцы хорошие. Жена с дачи привезла. Бочковые. — Козлов откусил еще кусок. — Слушай, а ты про ISI пишешь? Про то, что пакистанцы не просто закрывают глаза на караваны, а сами их формируют?

— Пишу.

— Зря. Воронов это вычеркнет. Ему не нужно, чтобы пакистанцы были умные. Ему нужно, чтобы они были марионетки ЦРУ. Если пакистанцы умные, значит, они играют в свою игру. А если марионетки — значит, это американская провокация, и мы обязаны вступить, чтобы защитить южные рубежи. Понимаешь разницу?

Савельев перестал печатать. Посмотрел на Козлова.

— Понимаю. Поэтому я и пишу про марионеток.

— Молодец. — Козлов допил чай, поставил стакан на стол. — А про то, что Амин не предатель, а просто параноик, который боится, что его убьют свои же, писать будешь?

— Нет.

— Правильно. Параноиков у нас и в Кремле хватает. Им зеркало не нужно.

Козлов встал, забрал свой стакан и огурец, и пошел к двери. У порога остановился.

— Кстати. Из шифровального звонили. Сказали, идет пакет с грифом «Особая важность». От «Кедра».

Козлов вышел.

Савельев остался один. Посмотрел на красную папку. Достал из ящика стола пачку «Мальборо», вытряхнул сигарету, сунул в зубы. Прикурил. Дым был горьким, с привкусом контрабандного табака.

Дверь открылась снова.

Вошел лейтенант из шифровального отдела. Верхняя губа его блестела от пота, несмотря на гудящий под потолком кондиционер. В руках он держал тонкую папку из серого картона.

— Товарищ майор. Из Центра.

Лейтенант положил папку на стол. Сургучная печать с двуглавым орлом была уже сорвана — вскрывали в шифровальном, проверяли на наличие химикатов.

Савельев кивнул.

Лейтенант козырнул и вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Савельев стряхнул пепел в стеклянную пепельницу. Открыл папку.

Внутри был один лист. Телеграфная лента, наклеенная на стандартный бланк ГУ ГШ. Буквы были неровными, прыгающими — аппарат в резидентуре, видимо, снова заедало.

Он пробежал глазами по строчкам.

«Агент "Кедр". 10 сентября. Кабул. Дворец Арг. Состоялась закрытая встреча Х. Амина с временным поверенным в делах США Б. Амстутцем. Без протокола. Без переводчиков МИД. Присутствовал только личный переводчик Амина. Обсуждение смены вектора. Детали неизвестны. Источник отмечает нервозность Амина. Конец связи.»

Кондиционер над головой издал скрежещущий звук провернувшейся шестеренки и замолчал. Воздух в комнате сразу стал неподвижным, тяжелым.

Савельев смотрел на ленту.

Без переводчиков МИД. Значит, Амин боялся, что ХАД или советники запишут разговор. Значит, он действительно говорил о чем-то, что нельзя было фиксировать. О базах? О поставках? Или просто просил зерна и патроны, шантажируя уходом к американцам?

Он медленно потянулся к телефону с засекреченной связью ВЧ. Снял трубку.

В трубке шипела статика.

— Товарищ полковник, — сказал Савельев, глядя на красную папку. — Амин встретился с Амстутцем. Без наших ушей.

В трубке повисла тишина. Долгая. Такая долгая, что Савельев успел услышать, как на соседнем столе, в пепельнице, догорает брошенная им сигарета. Огонек добрался до ацетатного фильтра, и пластик начал плавиться, источая тошнотворный, сладковатый смрад паленой целлюлозы и уксусной кислоты.

В трубке сухо хрустнуло.

— Без наших ушей, — голос Воронова был плоским, как лист кровельного железа. — Понятно.

Савельев молчал. Едкий дым от фильтра щипал глаза, заставляя их слезиться. Он часто моргал, глядя на красную папку.

— Переписывай записку, Игорь, — сказал Воронов. — Убирай про племенную структуру. Пиши про смену вектора и американские базы. И пиши рапорт на командировку. Завтра в восемнадцать ноль-ноль борт на Баграм. Будешь координировать «Зенит» на месте.

Щелчок. Короткие гудки.

Савельев медленно опустил трубку на рычаг. Посмотрел на пепельницу. Черный, оплавленный окурочок тлел, намертво прилипнув к стеклу.

Он протянул руку, взял граненый стакан с остывшим чаем и вылил его прямо в пепельницу.

Вода зашипела, и мокрый серый пепел полез через край, пачкая полировку стола.

Глава 3

Щелчок.

Сухой, короткий, как ломается грифель карандаша.

Хафизулла Амин расколол фисташку большим и указательным пальцами. Скорлупа треснула ровно по шву. Он вынул ядро, смахнул крошки с безупречно отглаженных брючных стрелок и отправил орех в рот. Щелкнул следующей. Сжимал скорлупу с усилием, точно мандибулы муравья-листореза, перерезающего жилку фикуса. Механически. Без эмоций. Горка пустых скорлупок на краю хрустальной пепельницы росла, но ни одна крошка не падала на полировку стола.

Тимур сидел на приставном стуле, прижав блокнот к колену. Дерматин обложки нагрелся и лип к ладони. Кондиционер в углу издавал предсмертный хрип, но прохладу не давал. Воздух в приемной дворца Арг стоял густой, спертый, пахнувший розовой водой и паленым фреоновым маслом.

За низким резным столом сидели трое.

Нур Мохаммад Тараки медленно водил пальцем по краю пиалы. Кожа на его руке была тонкой, как пергамент, покрытой старческими пятнами. Он смотрел на муху, ползущую по ножке сахарницы.

Напротив него, откинувшись в плетеном кресле, сидел советник посольства Мазуров. Льняная рубашка потемнела от пота на спине и под мышками. Мазуров то и дело доставал из нагрудного кармана клетчатый платок и промокаивал шею, где над тугим подворотничком нависала красная, налитая кровью складка. От него несло одеколоном «Саша» и вчерашним коньяком.

— Нур Мохаммад, — Мазуров говорил с хрипотцой, с той специфической интонацией партработника, привыкшего выступать с трибун. — Москва внимательно следит за ходом земельной реформы в провинциях. Товарищ Брежнев лично интересовался на последнем заседании, как проходит распределение гектаров среди безземельных крестьян в Кандагаре. Цифры нужны. Не стихи.

Тараки медленно поднял глаза от мухи. Улыбнулся. Улыбка была вялой, не затрагивающей глаз.

— Земля, Павел... — Тараки запнулся, вспоминая русское имя советника, — Степанович. Земля как женщина. Ее нельзя брать силой. Ее нужно уговорить. Крестьяне в Кандагаре пока присматриваются. Они ждут, когда земля сама попросит их рук.

Тимур перевел. Старался держать голос ровным, нейтральным, но на слове «попросит» чуть запнулся. В пушту Тараки использовал идиому, которая скорее означала «когда земля созреет для плуга», но Мазуров терпеть не мог, когда переводчики уходили в поэзию.

— Присматриваются, — повторил советник, тяжело вздыхая и снова хватаясь за платок. — Но время не ждет, товарищ председатель. Кулаки и муллы не будут ждать. Они уже сеют смуту. Нам нужны конкретные цифры. Сколько гектаров роздано? Сколько создано кооперативов?

Амин перестал чистить фисташки. Он аккуратно вытер пальцы о бумажную салфетку, сложил ее ровным квадратом и положил рядом с горкой скорлупы.

— Цифры будут, Павел Степанович, — сказал Амин по-русски. Его русский был твердым, с жесткими согласными, выученный в Колумбийском университете, но с легким, неуловимым американским прононсом. — Мы завершим перераспределение к зиме. Те, кто сопротивляется, будут исключены из процесса.

— Исключены? — Мазуров нахмурился, вытирая лоб. — В каком смысле, Хафизулла? Мы же договаривались: убеждение, разъяснительная работа. Никаких репрессий против середняков. Это оттолкнет племенных вождей.

Амин посмотрел на советника. Его глаза были темными, неподвижными, как два куска антрацита.

— Сорняк не убеждают, Павел Степанович. Его вырывают. Чтобы пшеница росла.

Тимур перевел фразу дословно. Шея под воротником рубашки вспотела. Капля пота скапывала по позвоночнику, щекоча лопатку.

Мазуров поморщился, как от зубной боли.

— Хафизулла, товарищ Амин, — он подался вперед, и кресло под ним жалобно скрипнуло. — Давайте без этих... агрономических метафор. Я говорю о политической стабильности. В Герате опять перестрелки. В Пактии убили двух наших инструкторов. Москва требует консолидации партии. Фракция «Парчам» должна быть возвращена в правительство. Без этого мы не сможем обосновать дальнейшие поставки зерна и техники.

В комнате повисла тишина. Только в углу, из треснувшей трубы кондиционера, капала вода в цинковое ведро.

Плинк.

Плинк.

Тараки опустил голову, снова глядя на муху. Он казался очень старым и очень уставшим человеком, которого заставили играть в сложную игру, правил которой он уже не помнил.

Амин медленно налил себе чай из серебряного чайника. Струя была тонкой, янтарной. Он не стал брать сахар щипцами. Достал из кармана пиджака маленький целлофановый пакетик с кусковым сахаром-набатом, отломил кусок и положил его себе в рот, прямо на коренные зубы. Теперь он будет пить горячий чай через сахар, как делают в кишлаках, чтобы не обжечь горло.

— «Парчам» предал революцию, — сказал Амин, не глядя на Мазурова, а глядя на струю чая. — Они писали доносы в Москву. Они саботировали приказы. Если мы вернем их в правительство, народ подумает, что мы слабы. А слабых здесь не уважают, Павел Степанович. Здесь уважают только силу.

— Это не народ так подумает, это вы так думаете! — Мазуров повысил голос, и на его шее вздулась вена. — Лейтенант, переведите товарищу Амину, что Москва считает примирение фракций условием номер один. Условием, понимаете? Без этого...

Тимур открыл рот, но Амин поднял руку. Жест был легким, почти незаметным, но Мазуров осекся.

— Я понял, Павел Степанович, — мягко сказал Амин. — Вы устали. В Москве жарко, а у нас еще жарче. Давайте мы не будем портить друг другу пищеварение политикой перед обедом. Нур Мохаммад подготовил для вас подарок.

Тараки вздрогнул, словно проснулся, и кивнул.

— Да, да. Подарок.

В дверь постучали. Вошел слуга в белом халате, несший плоскую деревянную шкатулку, инкрустированную лазуритом. Он поставил ее на стол перед советником и так же бесшумно вышел, пятясь спиной.

Мазуров, все еще красный от раздражения, открыл шкатулку. Внутри, на подушечке из зеленого бархата, лежал старинный кинжал-пешкабз. Рукоять из слоновой кости, лезвие с тонкой, волнистой гравировкой.

— Это из коллекции моего деда, — тихо сказал Тараки. — Дамасская сталь. Пусть он напоминает вам, что афганский народ умеет быть благодарным друзьям.

Мазуров смягчился. Он достал кинжал, провел пальцем по лезвию.

— Спасибо, Нур Мохаммад. Это... это очень ценно. Я передам его в музей истории партии, с вашей дарственной надписью.

Амин смотрел на кинжал. Уголок его губ дрогнул.

— Осторожно, Павел Степанович, — сказал он. — Он очень острый. Можно порезаться, если не знать, как держать рукоять.

— Я не в первый раз держу в руках холодное оружие, Хафизулла, — усмехнулся советник, вкладывая кинжал обратно в шкатулку и захлопывая крышку. — Ладно. На сегодня достаточно. Завтра в десять утра встречаемся в министерстве обороны. И, прошу вас, подготовьте сводку по Кандагару. Цифры, а не поэзию.

Мазуров тяжело поднялся, кряхтя, поправил ремень. Тимур и Амин встали одновременно. Тараки остался сидеть, глядя в пустую пиалу.

— До завтра, товарищи, — бросил советник и направился к двери.

Тимур поспешил следом, сунув блокнот под мышку. У самого порога он на секунду обернулся.

Амин стоял рядом с Тараки. Он наклонился к уху старого председателя и что-то тихо говорил. Тараки кивал, медленно, покорно, как ребенок, которому объясняют, почему нужно ложиться спать. Амин положил руку на плечо Тараки. Рука лежала тяжело, пальцы были растопырены, словно когти хищной птицы, вцепившейся в добычу.

Дверь закрылась.

В коридоре было прохладнее. Мраморный пол прохладно касался подошв туфель. Мазуров шел впереди, тяжело ступая, и его дыхание со свистом вырывалось из ноздрей.

— Лейтенант, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Вы как-то странно переводили в конце. «Сорняк вырывают». Он правда так сказал?

— Так и сказал, Павел Степанович. Дословно.

— Фанатик, — прошипел советник, вытирая шею. — Упрямый, тупой фанатик. С такими далеко не уедешь. Надо будет написать шифровку Андропову. Пусть надавят на Тараки, чтобы тот приструнил своего премьера. Иначе мы тут увязнем в крови по уши.

Тимур шел сзади, глядя на мокрое пятно на спине советника. Ему хотелось сказать. Сказать, что Амин не фанатик. Что Амин — это машина. Что когда Амин чистил фисташки, он смотрел не на орехи, а на горло Тараки. Что слово «сорняк» в его лексиконе означает не кулак, а самих халькистов, которые кажутся ему недостаточно преданными.

Но он промолчал. Потому что знал: Мазуров не услышит. Советник видел мир через призму директив ЦК, через отчеты о валовом сборе хлопка и тоннаже поставленной муки. Для него Афганистан был большой, непослушной стройкой, которую нужно было просто лучше организовать.

Они дошли до поворота в жилое крыло дворца. У массивных дубовых дверей, ведущих в личную половину Тараки, стояли два гвардейца. Высокие, в оливковых беретах, с автоматами Калашникова на груди.

Мазуров кивнул им, проходя мимо. Гвардейцы даже не моргнули, глядя прямо перед собой.

Тимур остановился.

Он отстал от советника на пару шагов и смотрел на дверь. На тяжелую, резную древесину ореха, покрытую лаком. И на металл.

Справа от косяка, на уровне пояса, блестела свежей, неокисленной сталью тяжелая дверная проушина. Вторая часть, скоба, была прикручена к самой двери.

Тимур перевел глаза на пол. На темно-бордовом ворсе туркменского ковра, прямо под дверью, лежали мелкие, светлые опилки. Свежие. Срез древесины еще не успел потемнеть от пыли.

Он снова посмотрел на проушину. Она была прикручена не изнутри. Она была прикручена снаружи.

На двери личных покоев президента Демократической Республики Афганистан, с наружной стороны, только что установили запор для навесного замка. Тараки больше не мог закрыть свою спальню изнутри. Теперь его могли запереть снаружи.

— Рустамов! Вы идете? — окликнул его Мазуров, уже стоя у лифта и нажимая кнопку вызова.

Тимур моргнул, отрываясь от опилок.

— Иду, Павел Степанович.

Он догнал советника. Двери лифта с тихим шуршанием разъехались, выпуская волну затхлого, кондиционированного воздуха. Тимур шагнул в кабину, и пока двери закрывались, отрезая их от коридора, он успел увидеть, как один из гвардейцев у дверей Тараки медленно, почти лениво, снял автомат с предохранителя

Щелчок металла в гулкой тишине мраморного коридора прозвучал как срабатывание реле в распределительном щитке.

Двери лифта сомкнулись.

Мазуров сунул руку в карман, доставая пачку «Мальборо».

— Огня нет, лейтенант?

Тимур пошарил в брюках. Пальцы нащупали холодный пластик зажигалки и слипшуюся от жары пачку «Космоса».

Он щелкнул колесиком. Искры чиркнули по кремню, но огонь не дал. Газ кончился. Внутри прозрачного резервуара плескалась жалкая капля жидкости.

— Держи, — Тимур протянул зажигалку и пачку.

Мазуров поморщился, выудил из кармана свои «Мальборо».

— У тебя газ кончился, лейтенант. Совсем вы, переводчики, за хозяйством не следите.

Советник достал собственную массивную бензиновую Zippo. Щелкнул крышкой. Огонь вспыхнул ровно, без копоти. Мазуров прикурил, глубоко затянулся, выпуская сизый дым прямо в вентиляционную решетку кабины. Табачная гарь смешалась с запахом его пота и одеколона «Саша», образуя в замкнутом пространстве тошнотворный, липкий коктейль.

Лифт шел вниз. Тросы гудели где-то в шахте, вибрируя через металлические стенки прямо в подошвы туфель.

— Знаешь, что мне в этом Амине не нравится, Тимур? — Мазуров стряхнул пепел на пол кабины, прямо на мраморную крошку. — Не то, что он фанатик. Фанатики предсказуемы. Мне не нравится, что он ногти стрижет.

Тимур посмотрел на него.

— Ногти?

— Ага. Коротко. Под самый корень. У него на пальцах вообще кожи вокруг ногтя почти нет. Как у хирурга. Или у мясника. Не люблю таких. От них всегда кровью пахнет.

Лифт дернулся и остановился. Двери разъехались с лязгом.

Снизу ударил тяжелый, расплавленный зной кабульского двора. Солнце висело в зените, белое, как перегоревшая лампочка накала.

У крыльца стоял посольский «Уазик» с тонированными стеклами. Водитель, прапорщик из охраны, сидел в открытой кабине, спиной к ним. Он ковырял перочинным ножом в замке зажигания, пытаясь поддеть застрявшую там спичку.

Мазуров спустился по ступеням, шурясь от света, и бросил недокуренную сигарету в пыльную клумбу с засохшими розами.

— Погнали, Сидоренко. В гостевой дом. Мне еще сводку по Кандагару читать, а у меня от их чая изжога, — Мазуров открыл заднюю дверь и нырнул в прохладный салон.

Тимур остановился у подножки. Посмотрел на прапорщика.

Сидоренко наконец выковырял спичку, сдул с нее деревянную труху и вставил обратно в зажигание. Повернул ключ. Стартер взвыл, но мотор не схватил. Прапорщик выругался, ударил ладонью по панели приборов.

— Слышь, лейтенант, — Сидоренко не оборачиваясь, глядя в пыльное лобовое стекло. — Ты сегодня в Арге был?

— Был.

— Скажи, а правда, что у них там в подвалах мясорубки электрические стоят? Говорят, они через них...

Из салона высунулась красная, потная рука Мазурова.

— Сидоренко, блядь, заводи машину или я тебе самому мясорубку в жопу вкручу!

Прапорщик сплюнул в окно, снова повернул ключ. Двигатель чихнул, схватил, и из ржавого обреза выхлопной трубы Тимуру прямо в лицо ударила густая, пахнувшая несгоревшей соляжкой черная струя.

Глава 4

Засекреченная аппаратура связи на подоконнике остывала, издавая тихое, утробное гудение трансформатора. Воздух в кабинете был сухим, наэлектризованным, от него потрескивали волосы на предплечьях.

Воронов не ел. Он сидел за массивным столом, покрытым зеленым сукном, и тяжелой латунной печатью методично вдавливал в бумагу гриф «Секретно».

Удар. Скрип резины. Выдох. Удар. Скрип. Выдох.

Савельев придвинул папку из крафт-бумаги по сукну. Внутри лежали три листа телеграфной ленты, наклеенные на бланки ГУ ГШ.

— Перехват из Пешавара, товарищ полковник. Агент «Тарлан» зафиксировал звонок личного переводчика Амина жене. Амин прямым текстом сказал Амстутцу, что не разместит иностранные базы. Речь о пшенице. Пятьдесят тысяч тонн через пакистанские порты. Он шантажирует нас мукой, чтобы мы не давили на фракцию «Парчам».

Воронов опустил печать. Посмотрел на Савельева. Лицо полковника было серым, одутловатым от бессонницы, под глазами залегли глубокие тени. Он взял со стола латунный нож для бумаги, начал счищать им остатки сургуча с подошвы печати. Скрежет металла о металл бил по нервам.

— Пшеница.

— Стенограмма доказывает, что он не уходит в НАТО. Он играет на наших страхах. Если мы введем войска на основе ложной информации, мы получим Вьетнам. Только в горах. И без джунглей.

— Гиндукуш — это не равнина, Игорь. — Воронов не поднимал глаз, продолжая скоблить латунь. — Там БМП не пройдут. Вертолеты будут сбивать с хребтов из крупнокалиберных пулеметов. Мы увязнем. Ты это хочешь сказать?

— Я это и говорю. Мотострелковые полки встанут в пробках на перевалах. Местные будут расстреливать колонны с высот, как в тире.

Воронов бросил нож. Он звякнул о чернильный прибор.

— Местные. Ты путаешь карту с территорией. На карте Гиндукуш — это коричневое пятно. В Политбюро это — буферная зона. Если Амин пустит туда американцев, их ракеты будут долетать до Москвы за двенадцать минут. Двенадцать минут, Игорь. Столько времени нужно, чтобы закипеть чайник.

Савельев смотрел на нож. На то, как блестит его грань под светом настольной лампы.

— Это будет фальсификация, товарищ полковник. Если потом вскрыется...

— Таракан усами простукивает плинтус, чтобы составить карту комнаты. Ему плевать, из чего сделан плинтус. Ему нужно знать, где щель. Вашингтон простукивает щель. Пиши записку. Вектор сменился.

— Я аналитик. Моя задача — давать объективную картину.

— Аналитик дает информацию. Решения принимают другие. — Воронов сдул стружку сукна. — Завтра утром черновик у меня на столе. И помни: если ты напишешь правду, ее никто не прочтает. А если напишешь то, что нужно, — спасешь страну от предательства.

Савельев встал. Пошел к двери.

— Игорь.

Он остановился. Обернулся.

Воронов смотрел на него. В глазах полковника не было ни злости, ни фанатизма. Только бесконечная, свинцовая усталость.

— Завтра в восемнадцать ноль-ноль борт на Баграм. Ты летишь координировать «Зенит» на месте. Чтобы, значит, лично убедиться, что Амин — предатель.

Линолеум на кухне лип к шерстяным носкам. Жир шкварчал на сковороде, мелкие брызги оседали на кафеле, превращаясь в желтую, липкую пленку. Мокрый свитер тяжелел на веревке над плитой, с рукавов капала мыльная вода, шипя на горячей конфорке.

Савельев сидел за столом, уставившись в стену над холодильником.

Бумажная роза отслаивалась от штукатурки. Старый крахмальный клей кристаллизовался, загибая края лепестков внутрь, напоминая высохшую грудную пластину богомола. Соседи сверху затапливали их уже третий месяц. Штукатурка вздувалась пузырями, и роза, которую Лена клеила в августе, теперь висела на честном слове.

Лена стояла у плиты. Алюминиевый скребок с визгом ходил по дну кастрюли. Звук бил по зубам. Как скальпель по кости. Она пыталась оттереть пригоревшую перловку.

Савельев встал. Подошел к стене. Прижал большой палец к бумажному лепестку. Сухой крахмал хрустнул. Кусок штукатурки отломился и упал в пыль за холодильником.

— Опять отходит.

Лена не перестала скрести.

— В воскресенье подклею. Купила ПВА.

— Оно отходит с октября.

— И что? — Скребок замер. — Соседи сверху нас затапливают, штукатурка вздувается. Ты хочешь, чтобы я всё ободрала, Игорь? Чтобы мы жили в бетонной коробке?

Савельев потер средний палец правой руки о штанину. Утром он тер его ацетоном, пытаясь смыть чернила из протекающего картриджа. Кожа воспалилась, слезала белыми хлопьями, обнажая розовую, саднящую плоть. Но чернила въелись в папиллярные узоры, стали частью его. Химический ожог пульсировал в такт сердцу.

— Подклей сегодня ночью.

Лена бросила скребок. Тот грохнулся о плиту, оставив на эмали черную полосу. Она обернулась. Лицо блестело от пота и жира. Под глазами — темные круги, как у человека, который не спал неделю.

— Двенадцать часов ночи. Ты спятил?

— Просто подклей этот ебанный цветок, Лена. Пока он не упал.

Над раковиной капал кран. Тяжелая капля набухла на латунном аэраторе, растягивалась, срывалась. Ударяла в нержавейку. Плинка. Плинка. Плинка.

Лена смотрела на него. Долго. Потом повернулась обратно к плите.

— Ладно. Подклею. Иди спи.

Савельев встал. Пошел в коридор. Остановился у двери спальни.

— Лен.

— Что?

— Прости.

Она не ответила. Скребок снова завизжал по кастрюле.

Лубянка. Три часа ночи.

Настольная лампа гудела. Оса, залетевшая под стеклянный абажур, билась о раскаленную колбу. Жжж. Тик. Жжж. Тик.

Савельев сидел за столом. Желтая бумага с водяными знаками ждала. Рядом лежали три папки: зеленая с вырезками из кабульских газет, синяя с переводами перехватов ISI, красная — пустая, для готового документа.

Он снял колпачок с авторучки. Золотое перо с продольной прорезью. Подарок Воронова на тридцатилетие.

Прижал перо к бумаге.

«Анализ оперативной обстановки в Демократической Республике Афганистан...»

Воспаленная кожа на среднем пальце терлась о жесткий пластиковый корпус. Жгло. Острая, локализованная боль. Но он продолжал писать.

«...фракция "Хальк" под руководством Х. Амина проводит политику, ведущую к изоляции режима и росту вооруженного сопротивления...»

Он строчил про лагеря ISI и саудовские транши. Про угрозу южным рубежам. Про возможность размещения американских баз. Он вычеркнул пшеницу. Он вычеркнул перехват переводчика. Он похоронил правду под слоями бюрократического бетона, утрамбовывая каждое слово, как щебень в дорожное полотно.

Оса в лампе перестала жужжать. Упала на дно абажура с сухим щелчком.

Савельев посмотрел на нее. Черная, с прозрачными крыльями. Мертвая.

Он продолжил писать.

«...в связи с вышеизложенным, физическое устранение Х. Амина и замена его на лояльного лидера Б. Кармалы необходимо...»

Он нажал сильнее. Золотые усики пера разошлись. Кончик зацепился за волокно бумаги.

Капля фиолетовых чернил выступила из прорези. Сорвалась.

Упала прямо на букву «н» в слове «необходимо». Расплылась по волокнам бумаги. Темная, кровоподтечная звезда.

Савельев смотрел на кляксу.

Не промокнул. Просто надел колпачок на перо.

5 глава

Вода из серебряного кувшина обжигала запястья.

Амин тер ладони. Розовая вода. Густая, с тяжелым запахом пережаренного сахара и камфоры. Он мыл руки после каждого подписанного указа. Тараки задушили в три часа ночи. Подушкой. Пеньковой веревкой связали руки, чтобы не царапал простыни. Сейчас было семь вечера.

Тадж-Бек. Итальянский бетон шестидесятых годов. Стены метровой толщины. За окнами, за тяжелым бархатом портьер, басовито ухал дизель-генератор, питая дворец электричеством, пока городские сети не отключили.

Амин вытер руки льняным полотенцем. Бросил его в плетеную корзину.

Якуби стоял у косяка. В кобуре ТТ, в руке папка. От него несло оружейным маслом и кислым потом.

— Тело? — спросил Амин.

— В печь. Как приказано. Пепел высыпали в Аргандаб.

— Жена?

— На складе. Кормим рисом.

Амин кивнул. Прошел к столу. Желудок скрутило. Язва. Врачи говорили — нервы. Амин знал — это от крови. Чужая кровь всегда пахнет железом, даже когда ее нет в комнате.

Столовая на втором этаже. Окна завешены. Амин боялся снайперов с соседнего холма. СВД с оптикой бьет на километр.

Повар Ахмад внес медный поднос. Кабули палау. Рис, баранина, морковь, изюм.

Рядом с подносом стоял Гуль Мохаммад. Дегустатор. Шестьдесят восемь лет, артритные узлы на фалангах, желтые белки глаз. При Захир-шахе чистил сапоги, при Дауде носил подносы, при Тараки пробовал еду. Выживал, потому что умел умирать медленно, давая врачам время понять, чем именно отравили господина.

Гуль Мохаммад взял серебряную ложку. Зачерпнул рис с края блюда. Проглотил.

Ждал. Минуту. Две.

— Чисто, — просипел старик.

Амин сел. Взял вилку.

— Товарищ председатель, — Гуль Мохаммад не отходил. Смотрел на поднос. — Разрешите?

Амин поднял глаза.

— Что разрешить?

— Плов. Давно не ел хорошего плова. Жена готовит на маргарине, у нее артрит, не может стоять у казана. А тут... топленое масло, кардамон.

Якуби нахмурился. Шагнул к старику, его берцы скрипнули по паркету.

— Отойди.

Амин махнул рукой.

— Ешь, Гуль.

Старик кивнул. Взял ложку. Зачерпнул из середины блюда, где лежал кусок баранины, политый темным соусом из чернослива. Отправил в рот. Жевал беззубыми деснами.

— Вкусно... — прошептал он.

И замер.

Ложка звякнула о фарфор.

Гуль Мохаммад схватился за край стола. Костяшки побелели. Изо рта потекла слюна, густая, с желтыми хлопьями.

Он не кричал. Гортань свело спазмом. Звук был похож на то, как лопаются хитиновый панцирь жука-носорога, если наступить каблуком. Тихое, влажное сипение.

Старик рухнул на колени. Пятки застучали по паркету, выбивая дробь.

Якуби выхватил ТТ, снял с предохранителя.

Амин медленно положил вилку.

— Не ешьте, — сказал он министрам, сидевшим за столом.

Гуль Мохаммад забился в конвульсиях. Пена с запахом кардамона и мочи.

Амин смотрел, как дергается плечо старика. Как сукровица проступает через тонкую ткань халата, впитываясь в ворс туркменского ковра.

Через две минуты дегустатор затих.

Амин отодвинул тарелку.

— Повара в подвал. Всех, кто касался продуктов. Допрашивать.

Якуби кивнул, убирая пистолет.

— Русские, — сказал Якуби.

— Конечно, русские. — Амин достал из кармана пачку «Мальборо». Щелкнул зажигалкой. — Тараки они убрали моими руками. Теперь хотят убрать меня руками Ахмада.

Он затаился. Дым повис под хрустальной люстрой, в которой не хватало трех подвесок.

— Они придут, Якуби. Не сегодня. Завтра. Или через месяц. Но придут.

— У нас гвардия. Три тысячи штыков.

— Штыки ржавеют. — Амин стряхнул пепел на паркет, прямо рядом с мертвой рукой Гуль Мохаммада. — Готовь Тадж-Бек к осаде. Минируй подходы. Сними часовых с внешних постов, пусть сидят в бетонных мешках. И переведи советских советников из гостевого дома во флигель.

Якуби достал блокнот. Записал.

— Зачем во флигель? Там сыро.

— Чтобы они были под рукой. — Амин выдохнул дым. — Если начнется штурм... Если русские прорвут периметр...

Он посмотрел на мертвого старика. На ложку, зажатую в судороге.

— Первыми убивать советских советников. Всех. Пусть Москва увидит трупы своих дипломатов в прямом эфире.

Якуби записал. Оторвал лист.

В соседней комнате загудел трансформатор старого холодильника «Зил», который кто-то из охраны притащил сюда, чтобы хранить кока-колу.

Подвал Тадж-Бека. Девять вечера.

Ахмад стоял на коленях. Руки связаны за спиной проволокой. Проволока врезалась в запястья, кровь капала на бетонный пол. Капля. Капля. Капля.

Капитан ХАД Аслан сидел на табурете. В руке резиновая дубинка. Черная, матовая, с потертыми на рукояти.

— Кто приходил на кухню? — Аслан говорил тихо, почти ласково.

— Никто, ага. Клянусь пророком. Только мои помощники. Мы готовили с утра. Баранину разделявали сами. Рис промывали семь раз, как положено...

Аслан ударил. Не сильно. По почкам. Точно.

Ахмад не закричал. Только выдохнул весь воздух, согнулся, уперся лбом в бетон.

— В муку. — Аслан достал из кармана полиэтиленовый пакет. В пакете белый порошок. — Кто-то подсыпал в муку. Для манту. Манту ты готовил?

— Готовил...

— Кто трогал муку?

— Все трогали. Помощник мой, Фархад, он просеивал...

— Где Фархад?

Ахмад молчал.

Аслан ударил снова. По ребрам. Хрустнул хрящ.

— Фархад ушел в обед. Сказал, жена рожает...

— Жена рожает. — Аслан усмехнулся. Посмотрел на двух солдат у двери. — Найдите Фархада. Живым.

Солдаты вышли.

Аслан встал. Подошел к Ахмаду. Присел на корточки.

— Слушай, повар. Ты умрешь. Это вопрос времени. Но если скажешь правду — умрешь быстро. Пуля в затылок. Если будешь врать — умрешь медленно. Я знаю двенадцать способов. Хочешь попробовать?

Ахмад плакал. Тихо, без всхлипов. Слезы капали на бетон, смешиваясь с кровью.

— Я не знаю... Я не знаю, ага...

Дверь открылась. Вошел солдат.

— Товарищ капитан. Фархада нет дома. Жена говорит, не приходил с утра. Соседи не видели.

Аслан встал. Посмотрел на Ахмада.

— Уведите. В камеру. Завтра продолжим.

Солдаты подняли повара. Потасили по коридору. Ахмад волочил ноги, оставляя на бетоне красный след.

Аслан вытер дубинку о штанину. Сунул в карман. Вышел из подвала.

Кабинет Амина. Одиннадцать ночи.

Амин стоял у окна. Портьеру отодвинул на десять сантиметров. Смотрел на двор. Проекторы заливали бетонную стену белым светом. Часовые ходили парами. Автоматы на груди. Собаки на коротких поводках.

Якуби вошел без стука. Положил на стол папку.

— Фархад найден. В ущелье, в пяти километрах отсюда. Мертвый. Пуля в голову. Пистолет рядом. Макаров.

Амин не обернулся.

— Советский?

— Советский. Серийный номер стерт. Но гильза наша, девять миллиметров.

— Значит, свои. — Амин закрыл портьеру. Повернулся к Якуби. — Фархад был их человеком. Заложил яд в муку, потом его убрали. Концы в воду.

— Что делать с поваром?

— Расстрелять. И всех, кто был на кухне. Семьи — в Пули-Чархи.

Якуби кивнул. Достал блокнот.

— И еще. — Амин подошел к столу. Сел. Достал из ящика карту Кабула. Развернул. — Сороковая армия. Где они стоят?

Якуби подошел. Ткнул пальцем в карту.

— Баграм. Две дивизии. ВДВ и мотострелки. Плюс авиация. Вертолеты Ми-8, штурмовики Су-25.

— Сколько человек?

— По нашим данным, около сорока тысяч. Но это округ. В самом Баграме — тысяч пятнадцать.

Амин смотрел на карту. На красные кружки, обозначающие советские базы. На синие — афганские части. На зеленые — моджахедов.

— Кто из наших частей лоялен?
— Четвертая танковая бригада. Пятнадцатая пехотная. Гвардия, конечно. Остальные...
— Якуби пожал плечами. — Неизвестно.
— Разоружить. — Амин взял карандаш. Зачеркнул три синих кружка. — Сегодня ночью. Танки забрать, личный состав — в лагерь. Командиров — под арест.
Якуби записал.
— Это ослабит оборону Кабула.
— Укрепит. — Амин бросил карандаш. — Предатели внутри опаснее врагов снаружи. Он открыл ящик стола. Достал пистолет ТТ. Проверил магазин. Дослал патрон в патронник. Положил на стол.
Рядом легли три гранаты Ф-1. Одна за другой. Тяжелые, рифленые, с чеками.
— Если они придут... — Амин смотрел на оружие. — Я не буду прятаться в бункере. Я буду здесь. В кабинете. С автоматом и гранатами.
Якуби молчал.
— Ты знаешь, что делать, если я умру?
— Знаю.
— Повтори.
— Уничтожить все документы. Вывезти семью в Пакистан. Взрывать мосты на дорогах к Кабулу.
— Хорошо. — Амин кивнул. — Иди.
Якуби повернулся. Пошел к двери.
— Якуби.
Тот остановился.
— Да, товарищ председатель?
Амин смотрел на него. В глазах — не страх. Не ярость. Только холодный, расчетливый блеск.
— Если русские возьмут дворец... Если я буду мертв... Скажи им, что я умер как солдат. С оружием в руках. Не как Тараки. Не как крыса.
Якуби кивнул. Вышел.
Амин остался один.
Он взял ТТ. Взвесил в руке. Тяжелый. Надежный. Советский пистолет, который убьет его хозяина.
Амин усмехнулся. Положил пистолет обратно на стол.
Открыл нижний ящик. Достал бутылку коньяка «Арат». Налил в стакан. Выпил залпом.
Коньяк обжег горло. Разлился теплом по груди. Но тепло не доходило до головы. В голове было холодно. Пусто.
Он налил еще. Выпил.
Посмотрел на часы. Полночь.
Завтра будет новый день. Новые приказы. Новые расстрелы. Новые предатели.
А потом — штурм.
Амин знал: они придут. Не через месяц. Скоро. Очень скоро.
Он встал. Подошел к окну. Снова отодвинул портьеру.
Двор был залит светом прожекторов. Часовые ходили. Собаки тянули поводки.
Все было спокойно.
Но Амин знал: это спокойствие перед бурей.
Он закрыл портьеру. Пошел к двери. Выключил свет.
В темноте кабинета, где-то в углу, под потолком, шуршало что-то маленькое и быстрое. Может, мышь. Может, таракан. Может, еще одна оса, которая не доживет до рассвета.

Амин вышел. Закрыв дверь. Пошел по коридору к спальне.

Шаги эхом отдавались от мраморных стен.

Где-то далеко, за стенами дворца слышался вой собак.

Амин поморщился. Звук сверлил виски, отдаваясь в челюсти. Он ускорил шаг.

У поворота в жилое крыло стоял советник. Полковник Мазуров. Тот, который потел в апреле. Сейчас он был в свитере грубой вязки и мятом кителе, накинутом на плечи. Мазуров пытался прикурить. Спички отсырели. Чирк. Вспышка. Гаснет. Чирк. Вспышка. Гаснет. От него несло кислым табаком и перегаром.

— Хафизулла, — Мазуров бросил скомканную спичку на мрамор. — Слышал, Нур Мохаммад скончался. Сердце?

Амин остановился. Посмотрел на полковника. На его красную, налитую кровью шею. На то, как дергается кадык.

— Сердце, Павел Степанович. Остановилось во сне. Не выдержало груза.

Мазуров кивнул. Достал из кармана бензиновую Zippo. Щелкнул крышкой. Огонь вспыхнул ровно. Полковник затянулся, выпуская дым в потолок.

— Сочувствую. Он был большим другом.

— Был.

— Москва скорбит. — Мазуров стряхнул пепел. Пепел упал на полированный плинтус. — Завтра в посольстве траур. Приедет товарищ из Центра. Хотел бы встретиться с вами. Обсудить... дальнейший вектор.

— Пусть приезжает, — Амин улыбнулся. Уголками губ. — Я приму его. В Тадж-Беке.

Мазуров посмотрел на него. Долго. Потом кивнул.

— В Тадж-Беке так в Тадж-Беке. Спокойной ночи, товарищ председатель.

— Спокойной ночи, Павел Степанович.

Мазуров пошел обратно, к лестнице. Его подошвы шлепали по мрамору.

Амин смотрел ему вслед. Смотрел на то, как полковник чешет затылок, как поправляет китель. Обычный человек. Усталый, с желтым лицом и больной печенью. Но за этим человеком стояла машина. Машина, которая завтра пришлет «товарища из Центра». А послезавтра — батальон ВДВ.

Амин дошел до своей спальни. Дубовая дверь. Тяжелая, с латунными накладками.

Он нажал на ручку. Дверь поддалась.

Внутри было темно. Только свет с улицы пробивался сквозь щели в тяжелых портьерах, ложась на паркет узкими желтыми полосами.

Амин вошел. Закрыв дверь. Щелкнул замком.

Подошел к кровати. Не стал раздеваться. Сел на край матраса.

Снял туфли. Поставил их ровно, носками к двери.

Достал из-под подушки автомат АКС-74У. Проверил магазин. Дослал патрон. Положил автомат рядом с собой, на простыню.

Рядом положил гранату Ф-1.

Лег. Не укрылся. Смотрел в потолок.

За стеной, в комнате охраны, кто-то включил радиоприемник. Тихо. Сквозь помехи пробивался голос диктора, читающего сводку о надоях молока в Гератской провинции.

Амин закрыл глаза.

За стеной радио смолкло на полуслове.

Внизу, прямо под окном спальни, на мраморной террасе ночная смена укрепляла парапет.

Грубая мешковина с сухим шипением волочилась по камню.

Глухой, тяжелый удар. Мешок с сырой землей лег на бруствер.

Снова шипение. Удар.

Кто-то внизу коротко, сквозь зубы, выругался по-русски.

глава 6

Брезент рвался с звуком, похожим на треск пересохшей кожи.

Механик в промасленном ватнике матерился сквозь зубы, пытаясь примотать синей изолентой гофрированный патрубок к буржуйке. Печь шипела, выплевывая в ангар едкий дым и мелкую сажу, которая оседала на черных от мазута руках и ложилась серым налетом на ящики с боеприпасами.

Громов прижал край аэрофотоснимка локтем. Бумага плотная, глянцевая, с желтоватым оттенком времени. Снимок семьдесят второго года. Сделан с МиГ-21Р, высота тысяча метров.

— Смотри сюда, Коля. — Громов ткнул мозолистым пальцем в серое пятно на глянцевой поверхности, оставляя на нем жирный отпечаток. — Восточное крыло. Тогда оранжерея. Сейчас, по вашим же сводкам, ДШК и бетонные мешки. А здесь, у центрального фасада, была аллея. Теперь там минное поле. ТМ-57 или ТМ-62, хрен его знает, но грунт вспучен. БМД там встанет на гусеницу, и ее раскатают из гранатометов.

Козлов стоял напротив, опираясь кулаками о фанерный стол, сколоченный из-под цинковых ящиков. От него несло морозом, кислым запахом армейского мыла и застарелым потом.

— Леш, это слепой заход. Снимкам семь лет. Минные поля на склонах не обозначены. Сектора обстрела из амбразур не ясны. Мне нужно сорок восемь часов на доразведку. Пустите группу в город, пусть снимут периметр, замерят толщину стен.

— Сорока восьми часов у тебя нет.

— Я не поведу парней в бетонную мясорубку вслепую. У меня группа спецназа «Зенит», а не штрафбат.

Громов достал из кармана бушлата пачку «Беломора». Вытянул папиросу. Сломал пополам, высыпал половину табака на ладонь и ссыпал обратно в пачку.

— Коля. Приказ из Москвы. Двадцать седьмого, в девятнадцать ноль-ноль. Если попросим сорок восемь часов, нас расстреляют за саботаж. И пошлют других. Которые пойдут и лягут.

Бояринов, сидевший на ящике с РПГ, сплюнул на бетон.

— Леш прав, Коля. ХАДовцы в городе нас вычислят за час. А если Амин поймет, что мы снимаем периметр, он подорвет мосты и уйдет в горы. Мы останемся с носом, а Москва с трибуналом.

Козлов провел ладонью по лицу. Кожа шуршала, как наждачка.

— Значит, идем на убой.

— Идем работать, — поправил Громов.

Двери ангара заскрежетали по рельсам.

Вошел Савельев. Шинель до пят, воротник поднят, на голове — ушанка с болтающимися ушами. За ним семенил Тимур, волоча за собой фанерный ящик с радиостанцией Р-107. Ящик был тяжелый, углы окованы железом. Тимур споткнулся о толстый черный кабель, ящик глухо брякнул о бетон, едва не придавив ему ногу.

Савельев стряхнул снег с плеч. БМД, укрытые брезентом, ящики с цинками, спящие вповалку на соломе десантники.

— Товарищ полковник. — Савельев подошел к столу, стягивая кожаные перчатки. Пальцы у него были тонкие, с красными обветренными костяшками. — Майор Савельев. Координатор от ГРУ.

Громов сплюнул табачную крошку на бетон. Окинул Савельева. Чистый китель под шинелью. Идеально вычищенные хромовые сапоги, которые уже успели покрыться пылью баграмского аэродрома.

— Координатор. В шинели. Ты хоть знаешь, как БМД заводится, майор?

— Моя задача — аналитическое сопровождение и связь с Центром.

— Аналитическое. — Громов усмехнулся, поворачиваясь к Козлову. — Слышь, Коля? Аналитик прилетел. Теперь точно прорвемся. Броню мыслями пробивать будем.

Тимур поставил ящик на пол. Из-под его берца выскочил таракан, метнулся к стене и замер под ржавым гвоздем. Тимур не отрывал глаз от таракана. Во рту стоял привкус авиационного керосина. Снег, залетавший через щели в воротах, таял на ресницах, стекая по щекам ледяными каплями. Промокший подворотничок натирал шею.

— Лейтенант Рустамов, — сказал Тимур. — Переводчик. Прикомандирован для работы с местными и опознания интерьеров.

Бояринов хмыкнул, продолжая разбирать затвор Стечкина. Пружина звякнула о фанеру стола.

— Интерьеров. Там, сынок, интерьеры будем гранатами обновлять.

Скрипнула боковая дверь.

Вошел Дубынин. Генеральская папаха, расстегнутый китель. Лицо серое, землистое, как будто он неделю не спал, питаясь одной тушенкой. За ним тащились два адъютанта с планшетами и полевой рацией.

Дубынин подошел к столу. Сбросил на аэрофотоснимки кожаную папку. Папка шлепнула по глянцевой бумаге, сдвинув локоть Громова.

— Отставить доразведку, полковник Козлов.

Козлов выпрямился, щелкнув каблуками.

— Товарищ генерал-лейтенант, без актуальных схем...

— Тихо. — Дубынин снял папаху. Провел ладонью по седым, прилизанным волосам. На лбу остался красный след от околыша. — Только что прошла шифровка. От «Кедра» и от резидентуры в Исламабаде.

Савельев напрягся. Его кадык дернулся под воротником кителя.

Глаза Дубынина уперлись в Громова. Белки с желтыми прожилками.

— Амин знает.

В ангаре стало тихо. Только буржуйка шипела, выплевывая искры на сырой бетон. Рядовой в углу перестал скоблить джем. Проволока тихо звякнула о металл.

— Охрана усилена, — продолжал Дубынин монотонно, как будто зачитывал сводку урожая. — Пулеметные расчеты на крыше сменили час назад. Семейство перевели в бункер под восточным крылом. На дорогах к дворцу свежие минные заграждения.

Савельев сглотнул. Привкус во рту стал сильнее.

— Элемент внезапности утрачен, — сказал Козлов. Голос его был ровным, но пальцы, лежавшие на столе, сжались в кулаки, побелев в костяшках. — Это самоубийство, товарищ генерал. Мы потеряем до сорока процентов личного состава еще на подходе.

Дубынин надел папаху. Поправил ее, сдвинув набекрень.

— Приказ из Политбюро не отменяется. Двадцать седьмого, в девятнадцать ноль-ноль. Идем по старому плану. «Шилки» работают по верхним этажам, БМД прорывают периметр, пехота заходит в окна.

— В окна первого этажа, которые закрыты железными ставнями? — уточнил Бояринов, не поднимая глаз от затвора.

— Взрывчаткой будете открывать, полковник. — Дубынин повернулся к адъютанту. — Давай связь с Термезом. Поднимай десантуру по тревоге.

Адъютант закивал, раскручивая кабель антенны.

Громов достал вторую папиросу. Сунул в рот. Чиркнул спичкой. Сера вспыхнула, осветив его небритую щеку.

Дубынин пошел к выходу. У самых дверей он остановился, не оборачиваясь.

— И еще. Если Амин уйдет живым, трибунал будет для всех. От рядового до генерала.

Двери за ним захлопнулись.

Механик у буржуйки отпустил патрубок. Изолента держала. Он вытер руки о ватник, сплюнул в сторону и пнул печь носком берца.

Чугунный блин на крышке буржуйки подпрыгнул и со звоном упал обратно, сдвинувшись набок.

Из щели повалил густой, черный дым.

...Алюминий звенел, как треснутый колокол.

Бояринов ударил гаечным ключом по борту БМД-1. Звук был плоским, мертвым. Дюралюминий, два миллиметра толщины. Сплав Д-20. Машину проектировали для десантирования с парашютом, чтобы она планировала с неба, как железный ангел. Но здесь, на земле, этот ангел был консервной банкой.

— Крупняк сомнет эту фольгу вместе с экипажем, Леша, — Бояринов не смотрел на Громова. Он вытирал ключ о ватник, оставляя на черной ткани жирный мазок, похожий на деформированное легкое. — ДШК с пятисот метров превратит десантное отделение в мясной фарш. А если прилетит из РПГ... от парней даже зубов не останется для экспертизы.

Громов стоял, прислонившись спиной к холодной гусенице. Снег не падал. Он выдавливался из низкого, свинцового неба, как промышленная стружка из-под резца тупого станка. Лип, забивался в складки бушлата, таял на ресницах, оставляя на щеках грязные полосы.

— Мы не в поле идем, Гриша. Мы идем на штурм дворца.

— Дворца, который строили итальянцы, — Бояринов сплюнул. Слюна замерзла, не долетев до земли. — Железобетон. Арматура толщиной в запястье. Твоя «Гром-пушка» семьдесят три миллиметра. Кумулятив пробьет триста миллиметров стали. А бетон? Он просто отколется изнутри. Осколками посечет всех, кто в комнате. А стены останутся.

Громов молчал. Он знал физику войны. Он знал, что БМД — это не танк. Это боевая машина десанта. Ее броня держит осколки и стрелковку. Против укрепленного бункера она была катафалком.

В штабном кунге на базе «Урала» не работала печка.

Савельев водил обмороженным ногтем по синим линиям на кальке. Тадж-Бек. Проект шестьдесят второго года. Итальянские архитекторы, советские инженеры-консультанты.

Он достал из кармана инженерный микрокалькулятор «Электроника БЗ-34». Зеленые светодиоды мигали, сажая батарейки на морозе.

Толщина наружных стен: 1200 мм. Бетон марки М400. Двойное армирование. Вооружение БМД-1: 2А28 «Гром». Выстрел ПГ-9. Бронепробитие: 300 мм гомогенной брони.

Савельев нажал кнопку равно. На экране загорелось нулевое значение.

Математика была гильотиной. Снаряды оставят на фасаде воронки глубиной по колено. Вызовут откол бетона внутри помещений — спаллинг. Бетонная шрапнель прошьет комнаты насквозь, превратив внутренности защитников в эмульсию. Но стены не рухнут. Пехоте придется копать завалы саперными лопатками под перекрестным огнем с верхних этажей.

Устинов хотел быстрой победы. Маршальские звезды должны были сиять на его кителе к новому году. Андропов умирал. Почки председателя КГБ отказывали, аппарат искусственной почки гудел в больнице на Грановского, перекачивая его кровь через целлофановые трубки. Андропову нужен был внешнеполитический триумф, пока его сердце не остановилось.

Им нужна была хирургическая операция. Обезглавливание. Скальпелем. Но скальпель был сделан из алюминия, а пациент был закован в бетон. Десантники в этом уравнении были не людьми. Они были статистической погрешностью. Десятичной дробью, которую округляли в меньшую сторону при составлении отчета для Политбюро.

Савельев убрал калькулятор. Экран погас. В кунге пахло сырой овчиной и остывшим солдатским чаем, который кто-то забыл на радиаторе неработающей печки.

Затворная рама АК-74 вошла в ствольную коробку со звуком, напоминающим скрежет мясницкого ножа о ребро.

Тимур толкнул раму вперед. Большой палец соскользнул. Острая грань рукоятки взвода срезала кутикулу. Выступила капля темной крови. Она смешалась с оружейным маслом РЖ, приобретая цвет ржавой воды.

Тимур не вытер палец. Он размазал кровь по крышке ствольной коробки, оставляя рваный мазок.

Вокруг него в брезентовой палатке УСБ-41 спал, или делал вид, что спит, «мусульманский» батальон. Воздух был густым, спрессованным из запахов немытых тел, влажной шерсти и резкого, аммиачного духа мочи от траншеи в пятидесяти метрах.

Он был филологом. Он знал этимологию слова «джихад». Он знал спряжение глаголов в пушту. Он мог цитировать Хафиза наизусть. Теперь он был живым компасом. Живой схемой. «Поверните налево в коридоре. Третья дверь справа — это кабинет. Вторая слева — туалет».

Многоножка, бледная и слепая от жизни под камнями, перебежала через носок его берца. Тимур смотрел, как она ориентируется в лабиринте шнурков. Она не знала, что находится в зоне боевых действий. Она знала только, что кожа теплая.

Тимур сдвинул крышку. Щелкнул фиксатором. Автомат был собран. Тяжелый, холодный, пахнущий заводской смазкой и смертью. Он не хотел стрелять. Он хотел, чтобы этот кусок фрезерованной стали превратился в змею и уполз в щель между досками пола.

Дубынин бросил планшет на фанерный стол. Удар был глухим, как падение мешка с цементом.

— Сороковая армия выдвигается. Сто третья гвардейская воздушно-десантная берет периметр и аэродром. Ваша задача, товарищи офицеры — центр. Тадж-Бек.

Бояринов не козырнул. Он стоял, уперев кулаки в стол, нависая над картой.

— Товарищ генерал-лейтенант. Группы «Зенит» и «Гром» заходят через черный ход и окна. Мой батальон — это наковальня. Но наковальня из папье-маше. Если у них на крыше стоят СПГ-9 или «Фаготы», они сожгут колонну на серпантине. Дорога одна. Узкая. Обочины заминированы.

— На крыше нет противотанковых средств, — Дубынин говорил ровно, глядя не на Бояринова, а в угол кунга, где висел календарь с девушкой в купальнике. — Разведка подтверждает. У них только стрелковка и ДШК.

— Разведка три месяца назад подтверждала, что Амин — лояльный коммунист, — голос Бояринова был плоским, лишенным интонаций, и от этого он звучал страшнее любого крика.

Мускул на щеке Дубынина дернулся. Под ухом.

— Операция утверждена Политбюро. Начало в девятнадцать ноль-ноль. Артиллерийская подготовка отменяется для сохранения фактора внезапности.

— Внезапности, — повторил Громов. — Мы гоним колонну бронетехники по горной дороге в снегопад. Дизеля слышно за пять километров. Они будут смотреть на нас в бинокли, пока мы ползем вверх. Какая, к черту, внезапность?

— Значит, ползите быстрее, полковник. — Дубынин застегнул планшет. — И помните. Если Амин уйдет в горы, или если он останется жив во дворце... трибунал будет для всех. От ефрейтора до генерала.

Дубынин повернулся к выходу. Полог палатки откинулся, впуская внутрь клубы пара и промышленного снега.

Бояринов смотрел на карту. На красные стрелки, нарисованные жирным карандашом. Стрелки упирались в квадрат, обозначавший дворец.

— Леш, — тихо сказал Бояринов. — Ты знаешь, как итальянцы называли этот проект?

— Нет.

— «Неприступный».

В углу кунга закашлялся бензиновый генератор. Он плюнул сгустком черной сажи на фанерный пол и заглох.

Лампочка под потолком мигнула и...

погасла.

Тьма. Густая, плотная, пахнущая бензином и недогоревшей соляжкой.

Кто-то чиркнул спичкой. Вспышка выхватила из черноты лицо Бояринова. Желтое, с глубокими тенями под скулами. Он прикуривал папиросу. Огонек дрожал в его пальцах.

— Электрику в жопу, — сказал он сквозь дым. — И генератор в жопу. И всю эту операцию в жопу.

Громов нашел фонарик. Щелкнул кнопкой. Батарейки сели наполовину. Желтый луч выхватил карту на столе, серый табачный пепел, остывшую кружку с чаем, в которой плавал окурок.

— Гриша, — Громов направил луч на Бояринова. — Если не выйдем, если колонну сожгут на серпантине...

— Хватит, Леша. — Бояринов стряхнул пепел на карту. Пепел лег на красную стрелку, ведущую к центральному входу Тадж-Бека, и стал неотличим от обозначенных на схеме минных полей. — Мы не на похоронах. Пока.

Он свернул карту. Сунул в планшет. Щелкнул замком.

— Сколько до начала?

Громов посмотрел на часы. Стрелки с люминесцентным покрытием светились в темноте зеленым.

— Четыре часа.

Бояринов кивнул. Пошел к выходу. Полог палатки откинулся, впуская клубы пара. Он обернулся.

— Леша. Если я лягу...

— Не ляжешь.

— Если лягу. Мой планшет — у Орлова. Фотография — в нагрудном кармане. Левом. Жене передай лично. Не через политотдел. Лично.

Громов смотрел на него. Луч фонарика дрожал.

— Передам, Гриша.

Бояринов вышел. Полог хлопнул.

Громов остался один в темноте. Фонарик начал мигать. Он выключил его. Сел в кресло. Кресло скрипнуло.

На столе, в остывшей кружке, окурок размок и медленно, с тихим чавканьем, впитывал в себя чай.

Козлов сидел в БМД-2, проверяя радиосвязь.

— «Зенит-один», я «Зенит-два», как слышно?

— «Зенит-два», я «Зенит-один», слышу на троечку, помехи.

Козлов подкрутил тумблер. Шипение стало тише. Он снял шлемофон, положил рядом на сиденье. В наушниках продолжал трещать эфир.

Рядом, в десантном отделении, двенадцать бойцов группы «Зенит». Все в афганской форме. Оливковые комбинезоны, пилотки хаки. Автоматы с глушителями. На лицах — ничего. Никаких эмоций. Как у манекенов в витрине.

Старший сержант Волков чистил ногти перочинным ножом. Лезвие было короткое, ржавое. Он скреб им под ногтями, выковыривая черную грязь, и стряхивал ее на пол десантного отделения. Кусочки грязи падали на алюминиевый рифленый пол с сухим стуком.

— Товарищ полковник, — Волков не поднимал глаз. — А правда, что Тараки задушили подушкой?

Козлов посмотрел на него.

— Кто сказал?

— Пацаны болтают. Говорят, наши его того. А теперь Амин знает и ждет.

— Болтовню в части прекратить.

— Есть. — Волков вернулся к ногтям. — Просто я спрашиваю, товарищ полковник. Если они нас ждут, какой смысл переодеваться в афганцев? Они же нас по форме не пропустят. Они же своих по лицам знают.

Козлов молчал. Волков был прав. Они наденут афганскую форму, пойдут к черному ходу дворца, скажут, что смена охраны. И если хоть один часовой узнает хоть одно лицо...

— Смысл, сержант, в том, — Козлов говорил тихо, — что приказ есть приказ.

Волков кивнул. Сунул нож в карман. Вытер пальцы о штанину.

Из рации снова затрещало.

— «Зенит-один», я «Гранит». Начало через три сорок пять. Занять исходные.

Козлов надел шлемофон.

— Принял. «Зенит» выдвигается.

Двигатель БМД заревел. Машина дернулась, стронулась с места. В десантном отделении закачались тела, ударяясь о борта.

Козлов закрыл люк. В наступившей темноте горела только красная лампочка аварийного освещения.

Волков снова достал нож. Начал скоблить ноготь большого пальца.

Лезвие скрежетало по ногтевой пластине. Сухой, ритмичный звук. Как заточка косы.

Тимур шел в колонне.

Автомат давил на плечо. Ремень натирал шею в том самом месте, где подворотничок уже натер до крови. Каждый шаг отдавался тупой болью в позвоночнике. Ящик с ракетой Р-107 он нес на спине, и углы ящика били по лопаткам.

Впереди шли десантники. В темноте, в снегопаде, они были просто силуэтами. Черными фигурами, поглощающими свет.

Тимур споткнулся о кусок арматуры, торчавшей из бетонной плиты. Поймал равновесие, ухватившись за поручень идущей впереди БМД. Металл был ледяным. Пальцы прилипли. Он отдернул руку. На ладони остался кусок кожи.

Колонна остановилась.

Впереди, в темноте, угадывались очертания холма. И на холме, на фоне чуть менее темного неба, черные зубцы Тадж-Бека.

Кто-то впереди тихо матерился. Кто-то молился. Кто-то жевал сухарь, и хруст был слышен за десять метров.

Тимур стоял. Дышал. Из рта вырывались белые облака пара.

В наушниках шлемофона, который ему выдали перед выходом, затрещал голос.

— «Гранит-один», я «Сокол». Артиллерия готова. Работаем по вашему вызову.

Пауза.

— «Сокол», я «Гранит-один». Принял. Ожидайте команды.

Пауза.

И потом, в эфире, на секунду пробился другой сигнал. Чужой. На пушту. Тихий, едва различимый за помехами.

— «...они на дороге. Вижу фары. Двенадцать машин...»

Голос оборвался. Помехи.

Тимур замер. Он перевел фразу в уме автоматически, как делал это тысячи раз.

Они на дороге. Вижу фары. Двенадцать машин.

Его рот открылся. Он хотел крикнуть. Сказать Громову. Сказать Козлову. Сказать любому.

Но голос не шел. Горло свело спазмом.

Впереди, на вершине холма, в одном из окон Тадж-Бека, на долю секунды вспыхнул огонек. Спичка. Или зажигалка.

Потом погас.

В наушниках снова треснуло.

— «Гранит-один», я «Гранит-два». Головная машина на исходной. Ждем команды.

Громов не отвечал. Пять секунд. Десять.

Тимур смотрел на темное окно, где только что вспыхнул огонек. На склоне холма снег лежал ровным, нетронутым слоем. Ни следов. Ни движения.

Громов щелкнул тангентой.

— Всем постам. Внимание. Работаем.

Двигатели БМД заревели. Земля дрогнула. Гусеницы вгрызлись в мерзлый грунт.

Тимур сделал шаг. Ремень автомата врезался в плечо. Ящик ударил по лопатке.

Он шел. За БМД. Вверх по склону. В темноту.

глава 7

Трансмиссия была на второй передаче. Вибрация от гусениц шла через стальные ботинки, поднималась по икрам, билась в копчике, отдавала в зубы.

В десантном отделении БМП-1 пахло кислым потом, оружейным маслом и блевотиной. Рядового Сырова укачало еще на серпантине. Он привалился к броне, зажав рот ладонью в перчатке, и тихо, по-сучьи скулил. Желудочный сок разъедал кожу между пальцами.

Громов сидел на командирском сиденье, вдавив затылок в поручень. Над головой ревел дизель УТД-20. Триста лошадиных сил толкали тринадцать тонн алюминия вверх по тридцатиградусному уклону.

— «Гранит-один», я «Гранит-два». Головная встала. Мина под гусеницу. Обходим справа.

— «Гранит-два», обходи. Дистанция двадцать. Не растягивайся.

Он отпустил кнопку тангенты. Посмотрел на часы. Стрелка с люминесцентным покрытием дрожала. Восемнадцать пятьдесят восемь.

До дворца оставалось четыре сотни метров.

БМП трянуло. Сырова вырвало прямо на рифленый пол. Запах переваренной перловки и желудочной кислоты смешался с вонью солярки. Никто не обратил внимания. Десантники сидели, прижавшись друг к другу, сжимая автоматы. У сержанта Петренко под носом засохла корка крови — задел прикладом при посадке. Он дышал через рот, выдыхая пар.

В девятнадцать ноль-ноль воздух разорвало.

Звук пришел не ушами. Он пришел грудной клеткой. Четыре установки ЗСУ-23-4, стоявшие у подножия холма, открыли огонь по верхним этажам Тадж-Бека. Двадцатитрехмиллиметровые снаряды рвали бетон.

— Аппарель! — заорал Громов.

Механик дернул рычаг. Гидравлика взвизгнула, тяжелая стальная дверь рухнула в снег.

Внутри ворвался ледяной воздух, несущий крошку бетона и запах кордита.

Громов вывалился наружу, увлекая за собой парней. Снег по колено. Уклон холма превращал каждый шаг в скольжение.

Сверху, из узких окон-амбразур первого этажа, ударили ДШК.

Крупнокалиберные пули калибра 12.7 мм били по броне. Звук был не громким — он был физическим. Удар кувалдой по листу железа. Алюминиевый сплав Д-20, рассчитанный на осколки и стрелковку, сминаясь, как фольга. Внутри БМП кто-то закричал — оторвавшийся от сварного шва кусок металла рикошетом задел бойца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.